

5. ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

...Следом за Федором Абрамовым Вологда подарила России Василия Белова. «Плотницкие рассказы» его были напечатаны в «Новом мире» летом 1968 года¹⁴⁰ и читались под аккомпанемент танковых гусениц, крошивших брусчатку Праги. И поэтому впечатляли еще сильнее.

Ироническая нота зазвучала в них сразу, она потом крепла от рассказа к рассказу, став доминирующей в вологодских «бухтинах», вышедших годом позднее.

В «Плотницких рассказах» Василий Белов излагает как бы веселую и незначительную историю вековечного спора двух вологодских стариков, которые вспоминают будто невзначай о людской неправде, окружавшей их сызмальства. Одному поп на исповеди ухо драл за честность. «Надо было говорить: «Грешен, батюшка!», а я правду говорил, что в чужой огород не лазил»... За честность и отвертел ухо.

Мальчонка прошел сто пятьдесят километров до города за свидетельством о рождении, а его ни с чем отправили обратно, сказали: «Никаких записей на тебя нет... Получается, ты и не родился вовсе. Нету тебя...»

Слово за слово плетутся стариковские байки, пока очередной «взрыв» не рассорит стариков.

О чем же они спорят за «чекушкой» водки, сухожильный старичок-колхозник Авионер Павлович Козонков и старик Олеша Смолин, которого так до глубокой старости и прозывают в деревне Олешей?.. Кстати, чокнулся с ними и мальчонка шести лет, Славко. Выпил, как взрослый... Ну, это так, деталь деревенского быта.

Рассказывает Авионер Козонков. Все про жизнь свою боевую. «У меня голова крепкая... Бывало, против религии наступление вели — кого на колокольню колокола спехивать? Меня... Полез и полез. Да встал на самый край, да еще и маленькую нужду оттудова справил, с колокольни-то...»

Поведав о своих подвигах, Авионер Козонков все спрашивает автора, который из самой Вологды, не дадут ли ему «персональную» (т.е. персональную пенсию). За то, что колокола «спехивал», с наганом ходил и прочее.

На проводы автора опять старики сошлись, да тут же и схватились: Олеша Смолин Козонкову его бахвальства «наганной молодостью» не спускал.

— А ты как был классовый враг, так и остался! — повысил голос Козонков. Подрались старики.

— Я за коллектив родному брату головы не пожалею! — кричал Авионер.

Автор чувствует себя виноватым в драке: вызвал из прошлого притихших было духов. Не выдержал, пошел к Олеше. А там сидят они, старики, как ни в чем не бывало. Пьют чай. Словно и не дрались. Разговор мирный: «Я уж подсчитал, на гроб надо сорок восемь гвоздей». Заказ делает один другому: «А вот чего, парень: сделай мне гроб на шипах...»

«На шипах домовина, конечно, не то что на гвоздях, оно поплотнее».

А потом запели старики старинную протяжную песню.

Вот и весь рассказ. Ни о чем вроде. А рассказ-то очень серьезный, Об истории России, как видится она тем, кто помоложе: и чего петушились, колокола «спехивали», с наганом ходили? Все равно, одному домовина на гвоздях, другому на шипах... А крови-то, кровищи пролито, пол-России в крови.

Если иметь в виду, что рассказ вышел за месяц до вторжения в Чехословакию, а читался, когда Авиныеры Козонковы из ЦК продолжали «колокола спехивать», только на этот раз колокола назывались «социализмом с человеческим лицом», реакцию читателя на этот ироничный рассказ можно себе представить.

Спустя год, когда счет жизни «Нового мира» Твардовского пошел уж не на месяцы, а на дни и часы, такие вещи больше не проходили.

В годину бед трагедий писать не дозволено. В 1939 году — году массового террора — в Союзе писателей спорили о возможности самого жанра трагедии при социализме. Ученые оппоненты, вздрагивавшие при каждом стуке в дверь, конечно, склонялись к тому, что при социализме трагедийный жанр отомрет.

К концу шестидесятых годов он начал «отмирать» снова...

Если в 1964 году еще могла появиться повесть «На Иртыше» Сергея Залыгина, а в 1966, хоть и по недосмотру, но все же выскочила «Колывушка» И. Бабеля, то в 1969, смертном для «Нового мира» году, о серьезном и трагическом удалось сказать лишь так: «*Бухтины вологодские (завиральные, в шести темах)*. «Бухтина — ложь, враки — вологодский, архангельский говоры (достоверно записаны автором со слов печника Кузьмы Ивановича Баракхостова...»¹⁴¹.

Ну, а насколько бухтины веселые да завиральные, уж судите сами:

Биография. 1. Родился. «Успел. Как раз к земельному переделу». 2. Лежу с незавязанным пупом. А они только нитку прядут... 7. Делились «богачеством». «Полкоровы мне, полкоровы отцу».

Домой жена не пустила, после того как колхоз образовали: «Ночевай в любом доме, для чего и колхоз...»

Началась общеколхозная жизнь. «А в ту пору все мы переживали подъем напряженных нервов...»

И лишь невзначай обронил автор: «Ведь что за народ нынче! Бухтины

гнешь — уши развезят. Верят. Начнешь правду сказывать — никто не слушает». Что ж, вот вам тогда бухтины...

«Как прожить колхознику? В избе несметный содом. Штурм Берлина, подписка на заем... Одно утешение — охота... Вдруг навстречу медведь. «Стой, кричу, шаг влево, шаг вправо считается побег!» Я ему чекушку подал, он выпил. Спрашиваю, вот ты всю зиму спишь, не кушаешь. Хлеба тебе не надо. Как это у тебя ловко выходит? Открой секрет. Семья, говорю, большая, на всю зиму завалились бы, любо-дорого...»

Прибыли из города охотники. В газете потом была заметка: «Уничтожили хЫшника». «Это мишка-то хЫшник?» — удивляется рассказчик.

И дальше — все про то же колхозное «счастье». «Вожжей нет, — говорят в правлении. — Вожжей нет — дела нет. Не отвезти, не привезти. Я тут же: а из паутины. Обдираем с кустов паутину. Поезжай куда хочешь, любо-дорого».

А вот тема — совсем темная, предупреждает автор. Можно сказать, «светлой» памяти Никиты Хрущева. «Решил помереть. Прихожу на тот свет. Не пускают. Стучусь. «Местов нет!» Думаю: в ад или в рай. «Газеты, гражданин, надо читать, отвечают, — ни ада, ни рая давно нету. Произошло слияние ведомств».

Следующая тема куда мрачней. «Разжился» — называется одна из бухтин. Совесть поехал покупать Баракхостов. Ни у кого нет. Наконец нашел. Домой приехал, сумку — в погреб (с совестью). Лежит третий год.

Ждет «Новый мир» телефонного звонка. Когда прикрывать начнут. Тем и бухтины вологодские завершаются. «Конец известен» — называется последняя.

Вдруг бумага из области: «Прекратить разбазаривание бухтин! Баракхостова остановить!» Приходят с понятами: «Приказано все бухтины у вас описать, принять под расписку». — «Что вы, ребята?» — «Не разводи частную собственность».

«Делать нечего — сдал. Теперь по вечерам дома сижу, помалкиваю...»

Вот так представлялся порой редакции «Нового мира» ее конец. С улыбочкой. Не думали только, гнали эту мысль от себя, что когда с понятами приходят, много не наулыбаешься. Год прошел — хоронили Александра Твардовского.

Наступал конец легальной литературы. Вскоре не разрешат и бухтины. Все талантливое схоронит советский писатель в погреб. Куда Баракхостов совесть спрятал. На будущее. Или для самиздата.

...Чтобы не осталось ощущения, что Василий Белов интереснее всего именно в этом «шутейно-бухтинном жанре», что именно тут он нашел себя, вспомним горестный и умный рассказ «Мазурик», один из его реалистических рассказов, опубликование которого и вы-

двинуло В. Белова в первые ряды писателей, печальников русской деревни¹⁴².

Главный герой его Сенька Груздев — самый веселый и беззаботный парень, инвалид войны. Жену свою, красавицу Тайку любил и хвалил. Да себе на шею. Пока он воевал, Тайка ему двойню родила, «гульнула слегка с одним из уполномоченных», спокойно сообщает автор. Спокоен и Сенька. Мудрый человек, предвидел. Когда его на фронт отправляли, он отплясывал у подводы и пел одну и ту же частушку:

В Красну Армию, робятушки,
Дорога широка.
Вы гуляйте, девки-матушки,
Годов до сорока.

Чужих детишек принял, как своих. Только частенько ругал Тайку: «Ты бы, дура, хоть не двойников, понимаешь! Ты бы хоть одного, дура, а то, вишь, сразу двоих заворотила».

Не прошло и года, как Тайка снова родила двойню. На этот раз кровных, Сенькиных. Один умер. Но все равно, два своих (одного еще до войны соорудил) да два от начальства. Четверо ртов да Тайка. Прокорми-ка такую ораву. Подыми на ноги!..

И вот как-то ночью Сенька, назло Илюхе-бригадиру, «уволок с снопы ячменный сноп. Хотелось ему, чтоб пришел утром Илюха и увидел, что снопа нет, хотелось как-то насолить бригадиру, который на ночь все снопы пересчитывал».

Сколько может выразить писатель одним придаточным предложением! «...который на ночь все снопы пересчитывал». Рассказ, по неизбежности, только о Сеньке, без гроссмановских обобщений, невозможных в подцензурной литературе.

«Все течет» Василия Гроссмана, с подробным описанием организованного Сталиным голода, крестьяне, вымиравшие — село за селом, страшная жизнь села, вынужденного воровать, чтобы не околеть, сосредоточена здесь, у Василия Белова, в одном придаточном предложении из шести слов.

Не оскудевает талантами Вологда!

Что же касается Сенькиной семьи, то тут сноп оказался в самый раз. И тогда Сенька, чуть поколебавшись, уволок еще один сноп. Потом утащил сразу два. «После этого у Груздева пошло: он навострился таскать все, что попадало под руку. Копна так копна, овчина так овчина, — начал жить по принципу: все должно быть общим.

Воровал он тоже весело и никогда не попадался, хотя все знали, какой Сенька стал мазурик».

Воровал Сенька и для колхоза: то хомут новехонький притащит, где-то плохо лежал, то целые дровни приволок, перепряг в добротные дровни своего мерина.

И бригадир, и председатель лишь усмехались и «домовито» принимали добычу на колхозный баланс... И каждый раз посылали в извоз именно Сеньку. Старшим.

— Ой, Семен, — охает Марюта (одна из баб, посланных с Сенькой в извоз. — Г.С.), — гли-ка ты мазурик-то! Ой, не бери больше чужого! Ой, голову оторвут!

— Не ой, а год такой, — весело отвечает Сенька и тут же крадет козу, у той самой бабки, которая пустила их ночевать (что сразу и выясняется).

— У, дурадушная! Рогатая! (бранит Сенька козу. — Г.С.). — Так бы и говорила, что не чужая, а здешняя...

«...Что верно, то верно, — завершает рассказ Василий Белов, — бабы и Борька пропали бы в райцентре, если б не Сенька...

Лошади фыркают, полозья сегодня не визжат, а стонут, погода слегка отмякла...»

Вот и весь рассказ. На десяти новомирских страницах, всего лишь.

Эммануил Казакевич выразил свою глубокую симпатию к офицеру, приговоренному военным трибуналом к расстрелу.

Другая пора — другие преступники. И тоже без вины виноватые.

Прошла сталинщина, а в российских лагерях, по одним данным, миллион человек. А по другим — четыре миллиона. И мне, объездившему в шестьдесят девятом—семидесятом годах глубинную Россию, Воркуту и Норильск, Красноярск и ухтинские шахты, последняя цифра кажется более вероятной.

Кто же они, эти три или четыре миллиона преступников, из-за которых еще миллион молодых парней оторван от семей и полезного труда: мобилизован в конвойные войска? Сенька Груздев — мазурик, которого автор любит, всей душой любит, — вот кто ныне на Руси главный преступник, вот кого мордует конвой, превращая таких груздевых в озлобленных преступников, порой убийц.

Вот что сумел сказать на страницах подцензурной печати, в годы бесчинств тройной новомирской цензуры, казалось, спятившей от бдительности, прозаик Василий Белов!

Есть в рассказе Василия Белова такое областническое выражение: «дрова не горели, а только шаяли».

Когда народной мысли властью запрещено ярко гореть, дозволено лишь «шаять», т.е. тлеть, шипеть, и тогда Василий Белов исхитряется

ударить хотя бы «бухтиной завиральной», вроде бы шуточной. А с шутки какой спрос!..*

6. ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Вместе с Василием Беловым вышли на литературный большак и писатели помоложе: Битов, Астафьев, Лихоносков Виктор, которому в рассказе «Родные» удастся, к примеру, сказать о старухе Арсеньевне: «Много лет подряд она ждала: вот уже на следующий год станет легче и с покосом и с мясом, тогда освободит их коровушка от забот, ранних вставаний, маяты и тревог. Ждала, и теперь ей уже семьдесят семь лет».

Идут и идут писатели — и вологодские, и сибирские, и кубанские, далеко не лучшие рассказы которых издавались комсомольским издательством «Молодая гвардия», накрывшим молодых, как, случается, накрывают птенцов шапкой. Душно, темно под шапкой, а куда денешься...

Книги молодых вроде бы пожиже книг Василия Белова. Мысль не столь глубока, как яшинская. Темы помельче.

Мельчают писатели? Думается, нет. Власть год от года ставит цензурные сети все более густо и хитро. Как пограничную «колючку». С незримой сигнализацией, инструкциями-капканами, К юбилейным годам обнесли издательства сетями такими плотными, что не только крупные темы — рыбины крупные, но и плотвишка-то едва продерется.

Отдельно, наособицу, как говорят в Вологде, мы должны остановиться на человеке редкого таланта — Василии Шукшине.

Василий Шукшин — талант поистине всесторонний. Одаренный писатель, одаренный кинорежиссер, завершивший свой путь в кино трагическим фильмом «Калина красная», в котором словно бы предсказал свою судьбу, наконец, актер, снимавшийся во многих фильмах, а в последнем — шолоховском... Вот тут-то и начинаются отгадки.

Честнейший, словно «без кожи», человек, едва став известным, попал в капкан. Кинулась к нему со всех сторон нечисть. Ты, мол, наш, деревенский, русский, исконный. Поселили его у пышнотелой дочери Анатолия Софронова, повезли к Шолохову.

Каково-то было ему печататься в «Новом мире» у Твардовского, а домой ехать — к Софронову.

---

* «Шаяла-шаяла» затем мысль Василия Белова в поисках первопричин беды русского крестьянства и долтлела-дошаяла: инородцы! От них все!..

Что вдруг?! И вовсе, как увидим позднее, не «вдруг» начал Василий Белов «спехивать» колокола и со своей колокольни?